

А. В. Белова

Тверь, Тверской государственный университет

ГОРОДА КАК ПРОСТРАНСТВО ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ДВОРЯНОК

Категоризация представительниц дворянского сословия в России конца XVIII – первой половины XIX в. на «провинциальных» и «столичных» основывается на критерии постоянного локального проживания дворянок преимущественно в уездном / губернском городе, сельской усадьбе или в столице. Однако данный критерий не является универсальным. Так, одна из тех, кого, согласно методологическому подходу истории повседневности, можно считать «обычной» представительницей женской части привилегированного сословия, Елизавета Николаевна Лихачёва, урождённая Гурьева (до 1803 – после 1829¹), которую я отношу к провинциальным дворянкам, действительно, большую часть времени проживала либо в имении, расположенном на территории Кашинского уезда Тверской губернии², либо в самом городе Кашине³, однако на зиму она обычно перебиралась в столицу: до 1818 г. – в Москву, а, начиная с 1818 г., – в Санкт-Петербург⁴. Очевидно, она достаточно хорошо была осведомлена об особенностях столичной повседневной жизни, общаясь с многочисленными родственниками и знакомыми, посещая культурные достопримечательности столиц, в частности, театр. В одном из писем, обращенных к Елизавете Николаевне, ее сын Пётр Васильевич Лихачёв описывал свои впечатления от путешествия по югу России, в том числе от посещения города Одессы. Его рассуждение о местных театрах указывает на то, что пожилая мать имела отчётливое представление о столичной театральной среде: «Здесь есть италийский Театр и французской; последний составился из самых дурных актеров Петербурскаго Театра; вы можете себе представить каков он должен быть»⁵. Образ Одессы глазами дворянина, жителя Центральной России, называющего себя «жителем северных стран»⁶, конструируется в письме к матери как образ «другого» городского пространства, отличного и от привычного для нее уездного Кашина, и от знакомого ей столичного Петербурга.

Повседневная жизнь провинциальных дворянок не замыкалась исключительно в рамках узколокальной территории. Собственная усадьба, уездный город, губернский центр, уездный город в соседней губернии и расположенное на ее территории имение, наконец, обе столицы – такова география проживания и

¹ Тверской государственный объединенный музей – Кашинский филиал (далее ТГОМ – КАШФ). Рукописная коллекция «Кашинское дворянство». КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1; Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 1–2 об.

² ТГОМ – КАШФ. РККД. КОФ № 6324. Д. 4. Л. 1 об.–2.

³ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 11.

культурного общения дворянской женщины. В отдельных случаях данный перечень дополнялся заграничными европейскими городами, посещение которых расширяло культурный кругозор дворянок, задавало новые пространственные параметры их повседневной жизни.

Особенностью мировосприятия дворянок было безразличное отношение к той или иной территории, к определенному культурно-географическому «локусу». В письмах, адресованных 31 декабря 1817 г. и 14 января 1818 г. княжной Прасковьей Долгоруковой Елизавете Лихачевой, можно обнаружить неоднократные упоминания о том, как тяжело ее родная сестра, княжна Варвара, переживала сообщение, что Елизавета Николаевна и ее близкие не будут впредь проводить зимы в Москве: «...К:<няжна> Варвара только что не плачет за стыдом, что вы отреклись от Москвы...»¹, «...К:<няжна> Варвара... сердцем соболезнает, что вы решились в Москве не жить, вы ее была отрада...»²; «...все наши вам кланяются а паче К:<няжна> Вар:<вара> и Евгения которые сокрушаются, что вы не едите в Москву, и не будете в нее ездить никогда...»³. Наряду с ярко выраженными личными мотивами здесь, бесспорно, просматривается ценностный аспект отношения дворянки к древней российской столице. Возможно, если бы речь шла не о Москве, а о каком-то другом городе, переживание княжны Варвары Долгоруковой, представительницы родовой российской аристократии, не было бы столь сильным. Предпочтение, отданное проживанию в Санкт-Петербурге, воспринималось жительницей Москвы особенно болезненно на фоне своеобразного культурного соперничества двух столиц – «древней» и «новой»⁴. Вместе с тем из слов княжны Прасковьи Долгоруковой, разделявшей в целом точку зрения княжны Варвары, видно, что она сама не была коренной москвичкой, а ее отношение к Петербургу, своему родному городу, характеризовалось интенсивной эмоциональной окрашенностью: «...несчастная моя родина то есть Петербург нас с вами теперь разлучил...»⁵. Предполагалось, что провинциальная дворянка Е.Н. Лихачева способна адекватно воспринять сожаления, высказывавшиеся ей представительницами столичного дворянства, а значит, в данном случае они как бы находились в одной и той же ценностной системе координат.

Речь идет о сходном отношении женщин, одна из которых жила в провинции, а две другие – в столице, к некоторым феноменам окружавшей их культурной действительности при сохранении стереотипных представлений о специфических особенностях социокультурной среды повседневного существования. Так, княжна

¹ Там же. Л. 6.

² ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 3 об.

³ Там же. Л. 4–4 об.

⁴ А.С. Пушкин писал, например: «Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало... некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. <...> Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. <...> Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом». (Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 6. С. 336–338.)

⁵ Там же. Л. 4.

Прасковья Долгорукова, приглашая Елизавету Лихачеву и других родственников приехать погостить в Москву («повеселится нашими веселостями...»¹), полагала заманчивым для них пребывание в «богатой развлечениями» столице и ведение более разнообразного, чем в Кашине, образа жизни. Выраженное ею при этом противопоставление столичного «веселья» провинциальной «скуке»² в решающей мере определялось светской системой ценностных приоритетов, исходя из которых во многом в дворянской сословной культуре конца XVIII – первой половины XIX в. вырабатывалось отношение к «столице» и «провинции» как к особым социокультурным феноменам.

Гендерное измерение в изучении городской повседневности российского дворянства предполагает исследование жизненных циклов дворянки и дворянина, влияния на повседневную жизнь в различные возрастные периоды гендерной и локальной идентичностей, характеристику эмоциональности и повседневных занятий, различавшихся в будничных и праздничных условиях и связанных как с приватной, так и с публичной сферами, определение основных способов коммуникации как важных аспектов повседневной жизни дворянства, в частности, бытового разговора и бытовой переписки. При этом существенные отличия в решении этих проблем зависят от того, идет ли речь об усадебном или городском, а также городском уездном, губернском или столичном быте. Например, балы как особая форма гендерного взаимодействия были элементом преимущественно городской жизни (за исключением некоторых крупнейших усадеб придворной аристократии, расположенных, главным образом, вблизи столиц), в то время как в деревне практиковались иные формы этикетных взаимоотношений между полами, такие как однодневные и многодневные визиты к соседям, совместное времяпровождение в будни и праздники. Смена «локуса» – это не просто перемещение в пространстве, а изменение всей повседневной жизни, включая такие ее элементы как устройство жилища, виды занятий, рацион и режим питания, речевая практика, мода в одежде, а также факторов, влиявших на эту сферу, среди которых – и климатические условия, и социальное окружение, и культурно-бытовые традиции и др. Городская среда, влиявшая на конструирование гендерной и локальной идентичностей дворянок, формировала поле культурных смыслов и разнообразие стилей их повседневной жизни.

¹ ГАТО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 89. Л. 6 об.

² Ср., например: «В Москве я пела и сама, // Но, к огорченью, все забыла. // В провинции сойти с ума // Не мудрено от страшной скуки». (Пушкин В.Л. Капитан Храбров // Пушкин В.Л. Стихи. Проза. Письма. М., 1989. С. 174.)